

тогда, — замечает. А. Байбури, — когда он начинает “подстраиваться” под быт, а не наоборот. И в результате мы говорим: “этикет гостеприимства” и “ритуал гостеприимства”, однако второй вариант не имеет для нас буквального значения. Этикет регламентирует повседневную норму, устойчивость, равновесие, которые стали возможными благодаря ритуалу (то есть ту норму, которую утвердил ритуал)» [1, с. 16—17, 19]. А значит, по сей день миф и ритуал моделируют поведение человека, определяя и регламентируя его поведение в той или иной ситуации, в частности, в ситуации обретения идентичности.

Социальная значимость традиции, воплощенной, кроме прочего, и в обрядах гостеприимства, определяется не только эмоциональными и экспрессивными моментами, но также и рационально-инструменталистскими ориентациями. Имплицированные культурные смыслы «вызываются» к жизни и используются как интегративный и стабилизационный факторы в целях социальной мобильности, преодоления доминирования и подчинения, социального контроля, осуществления взаимных услуг и солидарного поведения, стремления к гармонии. Такой подход к традиционной культуре как символическому и реальному капиталу позволяет сделать целый ряд крайне важных выводов и наблюдений, особенно в сфере гармонизации социокультурных отношений, межэтнических контактов.

Список цитируемых источников

1. Байбури, А. К. У истоков этикета. Этнографические очерки / А. К. Байбури, А. Л. Топорков. — Л. : Наука, 1990. — 168 с.
2. Гай-Никодимов, М. Возможна ли гуманистическая философия гостеприимства? / М. Гай-Никодимов // Новое лит. обозрение. — 2004. — № 1 (65). — С. 71—82.
3. Монтандон, А. Гостеприимство: этнографическая мечта? / А. Монтандон // Новое лит. обозрение. — 2004. — № 1 (65). — С. 61—70.
4. Етимологічний словник української мови : в 7 т. — Київ. : Наук. думка, 1982. — Т. 1 : А—Г. — 632 с.
5. Зенкин, С. Н. Французский романтизм и идея культуры (аспекты проблемы) / С. Н. Зенкин. — М. : РГГУ, 2001. — 144 с.
6. Алексеевский М. Д. Застолье в обрядах и обрядовом фольклоре русского севера XIX—XX вв. (на материале похоронно-поминальных обрядов и причитаний) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.09 / М. Д. Алексеевский. — М., 2005. — 22 с.
7. Левкиевская, Е. Е. Мифы русского народа / Е. Е. Левкиевская. — М. : Астрель : АСТ, 2007. — 526 с.
8. Геннеп, А. ван. Обряды перехода: систематическое изучение обрядов / А. ван Геннеп. — М. : Вост. лит., 2002. — 98 с.
9. Цивьян, Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы / Т. В. Цивьян. — М. : Едиториал УРСС, 2005. — 280 с.
10. Режабек, Е. Я. Мифомышление (когнитивный анализ) / Е. Я. Режабек. — М. : Едиториал УРСС, 2003. — 304 с.
11. Пашков, К. В. Дарунок та віддяка у контексті християнської та постмодерністської антропології : автореф. дис. ... канд. філософ. наук : 09.00.04 / К. В. Пашков. — Харків, 2006. — 23 с.
12. Лифшиц, М. Мифология древняя и современная / М. Лифшиц. — М. : Искусство, 1979. — 644 с.
13. Масрчик, М. Українські обряди родинного циклу крізь призму моделі переходу : автореф. дис. ... канд. іст. наук : 07.00.05 / М. Масрчик. — Київ, 2002. — 20 с.
14. Категории и концепты славянской культуры. Труды отдела истории культуры. — М. : Ин-т славяноведения РАН, 2007. — 800 с.

УДК 730:726(477.83/86)

П. В. Бубнов

Минская духовная академия имени святителя Кирилла Туровского, Минская духовная семинария, Барановичи

ДУХОВНАЯ ОЦЕНКА СОБЫТИЙ 1917 ГОДА

Каждое государство и каждый народ стремятся к процветанию и желают благополучия. Но как достичь всего этого? История и современность дает нам множество вариантов ответа на этот вопрос. Политики и экономисты, историки и социологи спорили, спорят и будут спорить в поисках оптимальной модели развития государства и человеческого общества. Среди шума дискуссий все реже слышен совет Творца человека: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф. 6:33). Господь раскрывает Своим ученикам настоящую формулу благополучной жизни: сделайте общение с Богом главным делом вашей жизни, и вы ни в чем не будете испытывать нужды.

В преддверии 100-летия событий 1917 г. у нас возникает естественный интерес к отечественной истории, мы все стремимся понять: что же на самом деле произошло 100 лет назад, какой исторический урок мы должны вынести для нашей сегодняшней жизни. Сегодня нам хотелось бы обратить наше внимание не на события 25 октября 1917 г., ни тем более на то, что последовало за этим днем. Нам хотелось бы призвать всех задуматься, что же привело великую православную империю к полному краху, Гражданской войне, огромным человеческим жертвам и потере всякого благополучия и достатка. Ответ на этот вопрос и станет действительно духовной оценкой событий 1917 г.

Что же представляла из себя в начале XX в. православная Российская империя, в состав которой входила и вся территория современной Республики Беларусь? Следовала ли эта держава в целом и ее православные жители евангельской «формуле благополучия» — «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф. 6:33)?

Россия в начале XX в. была в полном смысле этого слова великой державой и по огромной территории, и по численности многонационального населения. Бурным темпом развивалась промышленность, росли города, строились железные дороги.

Предпринимались серьезные попытки значительно улучшить положение крестьян. В этом царстве было немало великих достижений, но немало было и серьезных проблем. Еще больше было споров и критики, недовольства самодержавием, государственной системой. Участники радикальных революционных партий развязали ужасный террор против представителей власти, полагая, что конструктивный диалог невозможен. Но было немало и тех, кто считал, что, честно выполняя свою работу на своем месте, можно изменить жизнь страны к лучшему.

В соответствии с действовавшим тогда законодательством, господствующее положение в империи занимала православная российская церковь.

Православным был император и все члены императорской семьи, православными были около 65% населения империи.

На территории империи действовало более 40 000 приходов, совершали свое служение около 37 000 священников и 15 000 диаконов. Для подготовки кадров духовенства действовала крупнейшая в России система учебных заведений — уездных духовных училищ, духовных семинарий, епархиальных женских духовных училищ, духовных академий [5, с. 794]. Основы православного вероучения преподавались во всех учебных заведениях империи в виде предмета «Закон Божий». Кроме того, церковь внесла существенный вклад в развитие в империи начального общего образования посредством создания на средства приходов системы церковно-приходских школ. Внушительные цифры статистики и восторженные сентенции официальных документов, конечно же, ничего не говорили о проблемах церковной жизни.

Одной из самых острых проблем жизни православной церкви в Российской империи была система организации высшего церковного управления. Император Петр I в 1700—1721 гг. провел церковную реформу, в ходе которой был упразднен институт патриаршества, и православная церковь была не просто подчинена государству, а стала, по сути, одним из государственных ведомств. Формально главой православной церкви в России стал император, а реально церковью управлял обер-прокурор Святейшего правительствующего синода — государственного органа, который был учрежден Петром для якобы коллегиального управления церковью. На должность обер-прокурора весь Синодальный период истории нашей церкви (1700—1917) назначались обычные государственные чиновники, не имевшие богословского образования и какого-либо существенного опыта в организации церковной жизни. Именно обер-прокурор, по сути, решал все ключевые вопросы церковной жизни и имел практически неограниченный административный ресурс в достижении своих целей и в борьбе с теми, кто был с ним не согласен.

Лишь только после отречения последнего российского императора Русская церковь смогла вернуться к своему традиционному устройству. В октябре 1917 г. Поместный собор православной российской церкви восстановил патриаршество и упразднил синодальную систему управления.

Еще одной проблемной сферой церковной жизни было епархиальное управление. В начале XX в. в православной российской церкви было всего лишь 61 епархия (к примеру на 17 ноября 2016 г. действовало 299 епархий). Количество приходов в отдельных епархиях достигало 3 000, а в большинстве было около 1 500. Учитывая уровень развития дорог и средств связи в то время, это значило, что правящие епископы не имели никакой возможности посещения большинства приходов своей епархии, а приходские священники и тем более простые прихожане практически не имели возможности общаться со своим правящим архиереем. Для управления епархиями в рамках синодальной системы были созданы епархиальные консистории, работой которых реально руководил не епископ, а секретарь консистории — также государственный чиновник, подотчетный напрямую обер-прокурору Святейшего синода. В результате сложилась парадоксальная ситуация, когда принципиальные вопросы жизни церкви решались без всякого участия епископата и духовенства, решались государственными чиновниками, не имевшими богословского образования и нередко давно утратившими личное участие в литургической жизни церкви. Естественно, что когда такой чиновник оказывался перед столкновением интересов государства и церкви, он всегда принимал решение в пользу государства и во вред церкви.

Синодальная система в целом и общем воспринимала православную церковь как обычную земную организацию, которую можно и нужно использовать в государственных интересах, т. е. для созидания земного благополучия, а не как институт, призванный сделать жителей страны будущими гражданами Царства Небесного.

Если Петру I была нужна бронза для пушек, он приказывал взять для этого церковные колокола: ведь это нужно государству!

Если Екатерине II не хватало средств для ведения войн и строительства дворцов, она распорядилась конфисковать все монастырские земли с крестьянами в 1763 г.

Если для государственной службы не хватало образованных юношей, их без всякого смущения брали из духовных семинарий. Так, в 1840 г. для того, чтобы начать занятия в новооткрытой Горы-Горецкой земледельческой школе (в настоящее время — БГСХА) в местечке Горки Оршанского уезда Могилевской губернии, несколько десятков воспитанников духовных семинарий империи были направлены на учебу в эту школу и стали вместо священников агрономами.

Немало проблем было и в самом главном очаге духовной жизни империи — православных приходах. Поскольку более 80% православных жителей империи были крестьянами, то и подавляющее большинство приходов были сельскими, и духовенство было сельским. Сельским священникам для того, чтобы прокормить свои большие, как и у крестьян, семьи, нередко приходилось также вести свое хозяйство, а значит, меньше внимания уделять духовному окормлению своей паствы. Святейший синод несколько десятилетий пытался улучшить материальное положение духовенства, однако до выплаты жалования всем приходским священникам императорская Россия так и не дошла. При этом за 200 лет существования империи у церкви были конфискованы колоссальные имущества и доходные статьи, а потрачены эти средства были вовсе не на церковь и не на духовное просвещение.

Государственная власть в лице Святейшего синода не особенно беспокоилась о качестве служения пастырей церкви. Никто в Петербурге не задавался вопросом, как и что священники проповедают, как знают свою веру их прихожане, знают и исполняют ли заповеди Божии православные люди страны.

Как это можно было ожидать, синодальные и консисторские чиновники требовали от епископата и духовенства усиления в народе, как это тогда называли, «верноподданических чувств», т. е., по сути, рассматривали церковь и духовенство как идеологический придаток самодержавного государства. Из художественной литературы нам прекрасно известна ужасная практика, когда все государственные служащие и учащиеся государственных учебных заведений должны были ежегодно предоставлять по месту работы или учебы справку от священника о том, что они исповедовались и причастились. Такая формальная, «справочная» принадлежность к православной церкви воспринималась государством как свидетельство о верности гражданина царю и государству. Многие священники и епископы возмущались этому бессмысленному насилию над совестью человека, но по сути изменить ничего не могли.

Священники были обязаны оглашать с церковных амвонов императорские манифесты и указы, совершать специальные богослужения в так называемые «царские дни» — дни рождений не только императора, но и императрицы, их детей, их ближайших родственников. Богослужебное поминовение императорского дома было частым и обширным. Все это, несомненно, отталкивало от церкви тех, кто разочаровался в самодержавии, и особенно тех, кто боролся с ним. Для неграмотных крестьян церковный амвон был единственным официальным средством массовой информации. И вот молитва за императорский дом, обращения императора к народу, проповеди священника о почитании императора — все это занимало несопоставимо большое место по сравнению с проповедью слова Божия. В результате к началу XX в. духовное состояние православного населения Российской империи оказалось критическим.

Именно об этом духовном кризисе писали и говорили святые современники тех событий.

Святитель Игнатий (Брянчанинов) ещё в 1840-х гг. написал: «У нас осталась только кое-какая внешность от Православия, но это мёртвое тело без жизни. Россия находится накануне взрыва безбожного либерализма» [3]. А вот что писал святитель Феофан Затворник — епископ, который ради просвещения в вере своих соотечественников оставил служение епархиального архиерея и 28 лет провел в уединенном написании книг о живой вере в Бога: «Через поколение, много через два, иссякнет наше Православие» [3]. Вспоминая события войны 1812 г., святитель Феофан говорил, что «вновь пошлёт Господь на нас таких же учителей наших, чтобы привели нас в чувство и поставили на путь исправления», ибо «таков закон правды Божией: тем врачевать от греха, чем кто увлекается к нему» [2, с. 19].

Наверное, самым ярким свидетелем и обличителем духовного упадка своих соотечественников был святой праведный Иоанн Кронштадтский:

«Если не будет покаяния у русского народа, конец мира близок. Бог отнимет у него благочестивого царя и пошлет бич в лице нечестивых, жестоких, самозванных правителей, которые зальют всю землю кровью и слезами» [1, с. 100]. «Откуда эта анархия, эта революция, этот социализм, эта нелепая коммуна, эти забастовки, разбой, убийства, хищения, эта общественная безнравственность, этот царящий разврат, это огульное пьянство? — От неверия, от безбожия. И потому, если правительство, или собирающаяся Государственная Дума хотят водворить порядок в государстве и уважение к законам, повиновение к правительству, мир и безмятежье, разумный и полезный труд, они должны обуздать безнравственную печать, воспламеняющую все страсти, и обратить самое заботливое внимание на воспитание юношества и внушить ему, его гордым наставникам и интеллигенции собственным примером должное уважение к вере и Церкви и к заповедям Евангелия... Как хитер и лукав сатана! Чтобы погубить Россию, он раздул в ней безверие и разврат чрез злонамеренных писателей и учителей, чрез русские средние и высшие школы и чрез так называемую интеллигенцию. На почве безверия, слабодушия, малодушия и безнравственности совершается распадение государства. Без насаждения веры и страха Божия в населении России она не может устоять» [1, с. 173].

Выпускник Санкт-Петербургской духовной академии Иоанн Сергиев хотел принять монашество и поступить в миссионеры, чтобы проповедовать христианство народам Сибири и Америки. Но увидел, что жители столицы «знают Христа не больше, чем дикари какой-нибудь Патагонии».

«Не скорби безутешно о злополучии отечества, о проигранных войнах... о потере военных кораблей... о громадных потерях государства от поджогов... Скорби о том, что ты плохо подвигаешься к отечеству нетленному, вечному, на небесах уготованному, что сердце твое далеко от Бога. Земное отечество страдает за грехи царя и народа, за маловерие и недалёковидность царя, за его потворство неверию и богохульству Льва Толстого и всего так называемого образованного мира министров, чиновников,

офицеров, учащегося юношества. Молись Богу с кровавыми слезами о общем безверии и развращении России» [4, с. 62]. «Господи, да воспрянет спящий царь, переставший действовать властью своею; дай ему мужество, мудрость, дальновидность» [4, с. 72]

В 1917 г. исчезла православная Российская империя, формальные православные покинули церковь и даже стали ее гонителями и уничтожителями, но церковь не исчезла, как это предрекали советские вожди: Ленин, клеймивший церковь и духовенство последними словами; Сталин, пришедший от идеи поголовного уничтожения духовенства к концепции ограниченного использования церкви в интересах государства; Хрущев, так и не сумевший показать по телевизору «последнего попа». После 1988 г. миллионы внуков революционеров 1917 г. вновь вернулись в православные храмы, уже свободные и от императорской «нагрузки», и от власти обер-прокуроров и консисторских чиновников. Сегодня государство и церковь в Республике Беларуси нашли, вероятно, самый лучший из возможных вариантов сосуществования. Церковь не является частью государства, но церковь не отделяет себя от общества, государство всячески приветствует созидательную работу церкви по духовному возрождению нашей страны.

Если православный христианин, следуя «формуле благополучия» Спасителя, ищет Царствия Божия в своей душе, имеет крепкую семью, удаляется от пороков и пристрастий, творчески трудится и обогащает свое Отечество, такой человек — желанный гражданин своей страны.

Ищите прежде Царствия Божия — этот совет Спасителя остается укором нашим дореволюционным предкам и жизненным уроком для нас, их сегодняшних потомков.

Наше сегодняшнее собрание, надеемся, является хоть небольшим, но свидетельством того, что мы следуем этому совету.

Список цитируемых источников

1. *Аверкий (Таушев), архиепископ*. Современность в свете Слова Божия / Архиепископ Аверкий (Таушев) ; сост., предисл., прим., указ. имен А. Д. Каплина / отв. ред. О. А. Платонов. — М. : Ин-т рус. цивилизации, 2012. — С. 100—101.
2. *Аверкий (Таушев), епископ*. Провозвестник кары Божией русскому народу / Епископ Аверкий (Таушев). — Джорданвилль, 1954.
3. *Порфирий (Шутов), архимандрит*. Надо быть бодрым и жить в работе [Электронный ресурс] / Архимандрит Порфирий (Шутов) // Православие.ru — Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/62246.html> . — Дата доступа: 16.11.2016.
4. Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Предсмертный дневник. 1908, май—ноябрь. — М. ; СПб. : Отчий дом, 2006. — С. 68.
5. *Цыпин, В.* История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды / В. Цыпин. — 3-е изд., испр. — М. : Изд-во Сретен. монастыря, 2007. — 816 с.

УДК 316.346

Ю. М. Бубнов

Учреждение образования «Могилёвский государственный университет продовольствия», Могилёв

САМООЦЕНКА МАТЕРИАЛЬНОГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ ЖИТЕЛЕЙ МОГИЛЁВА

В качестве преамбулы к статье поясним, что эмпирической базой предложенного ниже текста стали результаты двух исследований, проведённых общественной организацией «Центр городских инициатив» в 2017 г., когда нами были опрошены 356 взрослых жителей Могилёва, и в 2018 г., когда в ходе фокус-группового интервью и массового анкетного опроса мы изучили мнение, соответственно, 16 и 371 могилевчанина. Понятно, что по законам репрезентативности мы не вправе претендовать на статус общенационального исследования, однако не думаем, что самооценка материального благосостояния жителей Могилёва будет сильно отличаться от мнения жителей Баранович или любого другого белорусского крупного города, кроме, может быть, Минска.

Общественное бытие, как известно, в конечном счете определяет общественное сознание. Этот закон, сформулированный Карлом Марксом, как правило, работает и на уровне отдельных индивидов, если принять за основу их материальное благосостояние. Это умозаключение является достаточным основанием для того, чтобы более подробно поговорить о материальной стороне жизни жителей Беларуси. Но прежде чем приступить к изложению результатов наших социологических опросов, надлежит пояснить некоторые важные особенности самого фактора материального благосостояния. Дело в том, что понятия «материальный достаток», «материальное благосостояние», характеризующие индивидуальное экономическое бытие современного человека, в свою очередь, являются производными от нескольких факторов. Во-первых, это объём материальных ресурсов, получаемых (добываемых) человеком в единицу времени. В качестве наиболее распространённой единицы измерения этого параметра материального благосостояния обычно принимается денежная заработная плата, исчисляемая в разных странах по-разному (помесячно, еженедельно, ежедневно или за час работы). Сами по себе денежные знаки, будь то на металле